

Часть вторая

История индивида и история рода человеческого, в чем бы ни было различие между ними, сходятся в одном: они обе говорят о нарастающем усилении мира Оно.

Это представляется сомнительным для истории рода; указывают на то, что сменяющие друг друга культуры при всем различии их оттенков в самом своем начале выстраивают схожие первобытности, в пределах которых они располагают маленьким миром объектов; тем самым жизни индивида соответствует не жизнь рода, а жизнь отдельной культуры. Но, если отвлечься от изолированных, по видимости, культур, которые, находясь под историческим влиянием других культур на определенной, не слишком ранней, но предшествующей эпохе наивысшего подъема стадии, перенимают их мир Оно, будь это благодаря непосредственному заимствованию современного мира Оно, как это было с заимствованиями греков у египтян, или опосредованному заимствованию у прошлого, как это было в случае обращения западной христианской культуры к культуре древнегреческой; эти менее развитые культуры расширяют свой мир Оно благодаря не только собственному опыту, но и растущему влиянию чужого опыта; благодаря этому происходит решающее расширение, связанное с новым открытием заимствованного опыта. (При этом оставим пока без внимания мощное участие в этом процессе мира Ты с его прозрениями и подвигами.) Таким образом, как правило, мир Оно каждой культуры полнее мира Оно культуры предшествующей, и, несмотря на временные остановки и рецессии, мы отчетливо видим в истории прогрессивное увеличение мира Оно. Здесь несущественно, носит ли «картина мира» какой-либо культуры характер конечности или так называемой бесконечности, а лучше сказать не-конечности (отсутствия конечности); на самом деле «конечный» мир может иметь больше составных частей, вещей, процессов, нежели мир «бесконечный». Надо также принять во внимание, что сравнивать надо не только объем знаний о природе, но и уровень общественной дифференцировки и технических достижений; именно этими двумя обстоятельствами определяется расширение мира объектов.

Основное отношение человека к миру Оно охватывает опыт, который непрестанно создает этот мир, и использование, которое ставит перед миром Оно многообразные цели, направленные на сохранение, облегчение и оснащение человеческой жизни. С ростом мира Оно должна также расти способность к его опытному познанию и использованию. У индивида все в большей степени появляется возможность замены непосредственного опыта опосредованным, то есть «приобретенным посредством знания»; все в большей степени появляется у индивида возможность сводить использование к специализированному «применению»; необходимостью становится постоянное усовершенствование способностей от поколения к поколению. Это по большей части имеют в виду, когда говорят о прогрессивном развитии духовной жизни. При этом люди своим греховным словоупотреблением противоречат духу, ибо эта самая «духовная жизнь» является по большей части препятствием для жизни человека в духе, а в лучшем случае – материей, которая, покоренная и оформленная в нем, должна просто исчезнуть.

И это препятствие, ибо улучшение способности к опытному познанию и использованию достигается по большей части через ослабление силы отношения человека, силы, которая одна только и позволяет человеку жить в духе.

Дух в его человеческом откровении является ответом человека на свое Ты. Человек глаголет разными языками – языком речи, искусства, действия, но дух един, и это ответ на возникающее из тайны и из тайны обращающееся к человеку Ты. Дух есть слово. И хотя устная речь облекается в слова в мозгу человека, а потом озвучивается в гортани, и то и другое суть лишь преломления истинного процесса; в действительности не речь присутствует в человеке, но человек пребывает в речи и глаголет из нее – и это касается всякого слова и всякого духа. Дух пребывает не в Я, а между Я и Ты. Дух – это не кровь, струящаяся по жилам внутри человека, его можно уподобить воздуху, которым ты дышишь. Человек живет в духе, если может ответить своему Ты. Он может это сделать, если вступает в отношение со всем своим существом. Только благодаря обладанию силой отношения может человек жить в духе.

Однако здесь на первый план сильнее всего выступает судьба процесса отношения. Чем мощнее ответ, тем сильнее связывает он Ты, тем сильнее превращает его в объект. Только молчание, обращенное к Ты, только молчание всех языков, молчаливое пребывание в неоформленном, неразделенном доречевом слове освобождает Ты, пребывает с ним в сдержанности, где дух не возвещает о себе, но просто существует, просто есть. Всякий ответ связывает Ты с миром Оно. Это горе человека, и в этом его величие, потому что именно так среди живых возникают знание, произведение, картина и образец.

Однако то, что превращается в Оно, застывает в вещь среди вещей, наделяется смыслом и предопределением, которые снова и снова его преображают. Снова и снова – так было задумано в час духа, когда он вложил себя в человека и зачал в нем ответ, – объектное должно вспыхивать настоящим, возвращаться в стихию, из которой вышло, рассматриваться и проживаться людьми как нечто настоящее.

Исполнение этого смысла и этого предназначения расстраивает тот человек, который удобно расположился в мире Оно, как в мире, который следует познавать опытом и использовать, и теперь он удерживает связанное в мире вместо того, чтобы его освободить, наблюдает вместо того, чтобы прозревать, и применяет вместо того, чтобы воспринять.

Что касается познания, сущность раскрывается познающему в созерцании предстоящего. То, что созерцают как присутствующее, по необходимости надо понимать как объект, сравнивать с другими объектами, помещать в ряд с другими объектами, объективно описывать и расчленять; в предмет познания это может войти только в качестве Оно. Однако в созерцании это было не вещью среди вещей, не процессом среди процессов, но исключительно присутствующим. Сущность не проявляет себя в законе, выводимом из явления, но обнаруживается в самом явлении. То всеобщее, что при этом мыслят, представляется как распутывание клубка события, ибо его созерцали в особенном, в присутствующем. Теперь же оно заключено в Оно-форму понятийного познания. Тот, кто выведет его из этого узилища и, созерцая, вновь прозрит в нем присутствующее, исполнит смысл того акта познания, который есть действительное и действующее между людьми. Но

познание можно использовать следующим образом: «Дело, стало быть, обстоит так: эта вещь называется так-то, она обладает такими-то свойствами, она должна находиться там-то и там-то». И при таком подходе то, что становится Оно, им остается, познаётся и используется как Оно, применяется как деятельность по «ориентации» в мире, а затем – и по «покорению» мира.

То же относится и к искусству: в созерцании предстоящего образ раскрывается художнику. Он преобразует его в произведение. Это произведение находится не в мире богов, а в этом большом мире людей. Естественно, оно «здесь», пусть даже на нем не остановится ни один человеческий взгляд, но оно спит. Китайский поэт рассказывает о том, как люди не захотели слушать песню, которую он играл на нефритовой флейте; тогда поэт стал играть ее для богов, и они приклонили к ней свое ухо; после этого к песне прислушались и люди – в конце концов поэт ушел от богов к тем, без кого не могло обойтись его произведение. Произведение высматривает встречу с человеком, словно во сне, ждет, что человек снимет с него чары и на одно безвременное мгновение охватит образ. Вот человек приходит и узнаёт из опыта то, что должно познать из опыта: произведение сделано так-то, или: в нем выражено то-то, или: таковы его качества и таково место, которое оно занимает среди других произведений.

И не то чтобы не нужен был научный или эстетический рассудок но для того, чтобы правильно выполнить свою работу, он должен погрузиться в сверхрассудочную, охватывающую рассудочное истину отношения.

И в-третьих, так как преходящий в своей телесности человек не нуждается в том, чтобы навязывать себя более долговечному, чем он сам, веществу, но превосходит его по долговечности как образ, этот человек, опьяненный музыкой своей живой речи, возвышаясь, поднимается на звездный небосвод духа, и вместе с ним возвышается чистое воздействие, действие без произвола. Здесь являлось человеку из глубочайшей тайны Ты, само обращалось к нему из тьмы, и он отвечал на этот призыв всей своей жизнью. Здесь слово раз за разом становилось жизнью, и жизнь, либо исполняя, либо нарушая закон – временами необходимо и то и другое, чтобы не погиб на Земле дух, – становится учением. Эта жизнь предстает перед потомками, чтобы научить их не тому, что есть, и не тому, что должно быть, но тому, как надо жить в духе перед лицом Ты. И это означает, что она в любой момент готова стать для них Ты и открыть им мир Ты; нет, она не готова, она всегда приходит к ним и прикасается к ним. Но они утратили желание и способность к живому общению, но зато знают все решения и ответы; они заключили личность в историю, а речь – в библиотеки; исполнение и нарушение законов – в равной степени – они кодифицировали; они не скупятся на почитание и даже на поклонение, обильно замешенное на психологии, как это подобает современному человеку. О одинокий лик, подобно звезде, сияющий во тьме, о живой перст на бесчувственном лбу, о замирающий шаг!

Формирование функции приобретения опыта и умения использовать по большей части достигается ослаблением в человеке силы отношения.

Тот человек, который препарировал дух, превращая его в средство наслаждения – станет ли он интересоваться живущими вокруг него существами?

Подчиняясь основному слову разделения, которое создает дистанцию между Я и Оно, он разделил свою жизнь среди людей на две четко очерченные сферы учреждения и чувства – сферу Оно и сферу Я.

Учреждения – это «внешнее», в котором человек преследует самые разнообразные цели, в котором он работает, торгует, влияет, занимается предпринимательством, конкурирует, организует, хозяйствует, администрирует, проповедует; это отчасти упорядоченная и в какой-то степени согласованная структура, дела в которой идут своим чередом благодаря умственным и физическим усилиям людей.

Чувства – это «внутреннее», в котором человек живет и отдыхает от учреждений. Здесь заинтересованный взгляд улавливает спектр эмоций; здесь человек дает волю своим наклонностям и ненависти, стремлению к удовольствиям, а также предается своей боли, если она не слишком сильно его раздражает. Здесь человек дома и спокойно качается в кресле-качалке.

Учреждения – это сложный форум, чувства – личные покои, где всегда есть место развлечениям.

Это разграничение, разумеется, постоянно оказывается под угрозой, ибо своевольные чувства время от времени вторгаются в деятельность учреждений, но при наличии доброй воли границу можно восстановить.

Труднее всего провести границу в области так называемой личной жизни. Например, в браке провести ее удастся не без трудностей, но, в конце концов, это получается. Ее удастся превосходно провести в сферах так называемой общественной жизни; стоит понаблюдать, как безукоризненно в эпоху политических партий и надпартийных групп и их «движений» сменяют друг друга судьбоносные съезды и приземленная – механистически-равномерная или органически-неряшливая – деятельность.

Однако отделенное Оно учреждений есть голем, а отделенное Я чувств есть порхающая птица души. Ни то, ни другое не знают человека; первое – это образец, второе – «объект», они не выражают ни личность, ни общность. Ни один из этих феноменов не знает настоящего; учреждения, даже самые современные, знают только застывшее прошлое, завершенное; чувства, даже самые устойчивые и длительные, знают только мимолетное мгновение, незавершенное становление бытия. Ни у того, ни у другого нет доступа к реальной жизни. Учреждения не образуют общественную, а чувства – личную жизнь.

Учреждения не образуют общественную жизнь, и люди ощущают это все чаще и с возрастающей печалью и болью; здесь, в этом месте, мы имеем дело с необходимым феноменом эпохи. Очень немногие поняли, что чувства не образуют личную жизнь; казалось бы, именно здесь должно гнездиться все личное; если кто-то, как современный человек, научился заниматься главным образом своими чувствами, то даже отчаяние по поводу их эфемерности ему не поможет, так как оно тоже есть чувство, и чувство интересное.

Люди, страдающие от того, что учреждения не образуют общественной жизни, нашли одно, как будто подходящее, средство – следует с помощью чувств разрыхлить, расплавить или

взорвать учреждения, следует обновить их с помощью чувств, внедрить в их деятельность «свободу чувства». Если, например, автоматизированное государство соединяет, по сути, чуждых друг другу граждан, не устанавливая спаянного сообщества и не способствуя этому, то следует заменить его общиной, основанной на любви; а такая община, как полагают, возникает, когда люди, руководясь свободным, переполняющим их чувством, сходятся вместе, желая жить совместно. Но это не так; истинное сообщество возникает не оттого, что люди испытывают друг к другу какие-то чувства (хотя обойтись без этого тоже нельзя), но благодаря вот каким двум вещам: они должны пребывать в живом обоюдном отношении к живому средоточию и находиться в живом обоюдном отношении друг с другом. Второе возникает из первого, но не дается вместе с ним автоматически. Живое обоюдное отношение включает в себя чувства, но не возникает из них. Община строится на живом обоюдном отношении, но строит ее живое действующее средоточие.

Учреждения так называемой личной жизни также невозможно обновить за счет свободного чувства (хотя без него тоже не обойтись). Брак никогда не удастся обновить по-другому, нежели открытием друг другу своего истинного Ты. Этот брак строит Ты, которое не является Я ни для кого из обоих партнеров. Это метафизический и метапсихический факт любви, который лишь сопровождается любовными чувствами. Те, кто хочет обновить брак по-другому, по существу, не отличаются от тех, кто хочет его упразднить: и те и другие говорят, что они уже не знают факта любви. И в самом деле, если из всей эротики, о которой в наше время так много говорят, вычтешь все, что связано с отношением Я, то есть всякое отношение, в котором один человек не является настоящим для другого, а другой не становится настоящим для него и оба только получают удовольствие друг от друга, то что тогда вообще останется?

Истинная общественная и истинная личная жизнь представляют собой два образа связи. Для их становления и существования необходимы чувства, изменяющие содержание, необходимы учреждения, как неизменная форма, но и, взятые вместе, они не создают человеческую жизнь, ибо для ее создания необходимо и третье: центральное присутствие Ты, или даже, скорее, воспринимаемое в настоящем центральное Ты.

Основное слово Я – Оно не имеет отношения к злу – так же, как и материя не имеет отношения к злу. Однако Оно имеет отношение к злу, как и материя, когда она примеряет на себя роль бытия. Если человек поддается этому, его подавляет неумолимо растущий мир Оно, собственное Я теряет для него свою действительность до тех пор, пока довлеющий над ним кошмар и призрак, обитающий в нем, не шепнут друг другу о невозможности избавления.

– Но не является ли общественная жизнь современного человека по необходимости погруженной в мир Оно? Можно ли две области этой жизни, экономическую и государственную, в их современном объеме и современном толковании, помыслить на каком-то ином основании, нежели на продуманном отказе от всякой «непосредственности», на неколебимом и решительном отклонении всякой возникшей вне этой области «чужой» инстанции? И если здесь господствует Оно, приобретающее опыт и использующее товары и достижения в экономике, мнения и устремления в политике, то разве не этому неограниченному господству обязана своим существованием разветвленная и прочная

структура великих «объективных» образований в этих двух областях? Да, и разве выпуклое и наглядное величие ведущего государственного деятеля и ведущего хозяйственного руководителя не связано с тем, что он видит в людях, с которыми ему приходится иметь дело, не носителей не поддающегося опытному познанию Ты, но рассматривает их как центры производственных достижений и устремлений, в соответствии с которыми и в соответствии с частными способностями людей они могут быть учтены и использованы? Не рухнет ли его мир, если он попытается вместо того, чтобы получить Оно из суммы Он + Он + Он, получить сумму Ты, и Ты, и Ты, если известно, что из этой суммы неизбежно снова получается Ты? Не означало бы это попытку поменять создающее совершенные формы мастерство на любительский дилетантизм, а светоносный разум – на туманную мечтательность? И если мы переведем взгляд с ведущих на ведомых, то разве не убедимся мы в том, что ход развития современного способа производства и современного способа обладания уничтожил почти всякий след жизни с предстоянием, всякий след осмысленного отношения? Было бы абсурдным хотеть повернуть этот процесс вспять, и столь же абсурдным было бы разрушение чудовищного и точно функционирующего аппарата этой цивилизации, которая одна делает возможной жизнь разросшегося до чудовищных масштабов человечества.

– Оратор, ты запоздал со своими речами. Если еще до сих пор ты мог бы им верить, то теперь уже не можешь. Ибо мгновение назад ты, как и я, увидел, что государством уже не управляют; кочегары всё еще бросают в топку уголь, но машинисты лишь делают вид, что управляют несущимися на всех парах машинами. И в тот самый миг, когда ты все это произносишь, ты, как и я, слышишь, что рычаги экономики начинают издавать непривычный звук; мастера покровительственно тебе улыбаются, но в сердцах их смерть. Они говорят тебе, что приспособили аппарат к современным условиям, но ты-то замечаешь, что отныне они могут только сами приспособляться к аппарату – до тех пор, пока он им это позволяет. Их представители разъясняют тебе, что экономика вступает в права наследства государства, но ты-то знаешь, что ей нечего наследовать, кроме принудительного господства буйно разросшегося Оно, под которым Я, становящееся все более бессильным, все еще воображает себя повелителем.

Общественная жизнь человека, так же мало, как и он сам, может обойтись без мира Оно, над которым Ты носится как дух над водами. Воля к пользе и воля к власти действуют естественно и правомерно до тех пор, пока смыкаются с волей к человеческому отношению, пока она является их носителем. Не существует злого влечения, пока оно не отрывается от сущности; влечение, сомкнутое с сущностью и ею определяемое, есть плазма общественной жизни, освобожденное влечение ведет к разложению общественной жизни. Экономика, обиталище воли к получению пользы, и государство, обиталище воли к власти, до тех пор являются частью жизни, пока они являются частью духа. Отрекаясь от духа, они отрекаются от жизни: разумеется, у жизни есть время на завершение своих дел, и довольно долгое время будет казаться, что внутри шевелится какое-то осмысленное образование, хотя на самом деле там давно уже всюду бурлит неистовая сутолока. Внедрение какой-либо непосредственности на деле уже не поможет; расшатывание отрегулированных механизмов экономики или государства не поможет сместить равновесие так, чтобы изменить тот факт, что вся система уже не находится под властью говорящего Ты духа; никакая стимуляция периферии не сможет заменить живое отношение к центру. Образования человеческой

общественной жизни черпают свою жизнь из полноты силы отношения, которая пронизывает их члены, а свою телесную форму – из связи этой силы с духом. Государственный деятель или хозяйственный руководитель, общающийся с духом, не является дилетантом; он очень хорошо знает, что не может выступить навстречу людям, с которыми ему приходится иметь дело, как к носителям Ты без разрушения созданного им; однако он все же осмеливается на это, но лишь до границ, продиктованных ему духом; именно дух диктует ему эти границы; и риск, грозящий взорвать обособленное образование, увенчивается успехом там, где витает присутствие Ты. Дух не предается мечтаниям; он служит истине, которая, будучи сверхразумной, не изгоняет разума, но сохраняет его в своем чреве. В общественной жизни дух делает то же, что делает человек в личной жизни, человек, который знает о своей неспособности воплощать чистое Ты в жизнь, но тем не менее каждый день доказывает его присутствие в мире Оно – согласно праву и мере текущего дня, ежедневно заново проводя границу и заново ее открывая. Также невозможно освободить работу и обладание исходя только из них самих – это возможно только исходя из духа; только из его присутствия могут излиться смысл и радость всякой работы, а во всякое обладание – благоговение и жертвенная сила, излиться не до краев, но в достаточной мере; только так может все созданное работой, все, чем обладают, остаться под властью мира Оно, но все же преобразиться в предстоящее, в представление Ты. Нет никакого Обратного-назад, есть – даже в минуту глубочайшей нужды, и даже именно в такие минуты, – ранее не предвиденное Отсюда-вперед.

Управляет ли государство экономикой или экономика уполномочивает государство на правление, остается неважным до тех пор, пока обе эти сферы не преобразованы. Будет ли в государственных учреждениях больше свободы, а в экономике – больше справедливости, важно, но не для вопросов реальной жизни, которые здесь поставлены; свободными и справедливыми сами по себе они стать не могут. Остается ли говорящий Ты и отвечающий на обращение дух живым и приобщенным к действительности; подчинятся ли те части духа, которые еще вкраплены в общественную жизнь человека, государству и экономике или останутся самостоятельно действующими; будет ли поглощено общественной жизнью то духовное, что пока еще сохраняется в личной жизни человека, – вот что имеет решающее значение. Разумеется, невозможно разделить общественную жизнь на независимые области, к которым также принадлежала бы «духовная жизнь»; это означало бы лишь окончательно подчинить принуждению погруженные в мир Оно области и полностью лишить дух действенности, ибо дух никогда не действует сам по себе, но только в мире: дух действует на мир пронизывающей и преображающей его силой. Дух находится «у себя» по-настоящему только тогда, когда он выходит навстречу открытому ему миру и предается ему; только так он может освободить его и себя в нем. Рассеянная, ослабленная, выродившаяся, обуреваемая противоречиями духовность, которая сегодня представляет дух, сможет это сделать, разумеется, только тогда, когда она снова дорастет до существа духа, то есть до способности говорить Ты.

В мире Оно неограниченно царит причинность. Каждый доступный чувственному восприятию «физический», а также каждый обнаруженный или найденный на основании личного опыта «психический» процесс необходимо считать либо следствием какой-то причины, либо причиной какого-то следствия. К тому же ряду относятся процессы, которым можно приписать характер целеполагания, то есть процессы, являющиеся составными

частями континуума мира Оно: этот континуум допускает телеологию, но только как часть оборотной стороны причинности, стороны, которая не нарушает связной полноты причинности.

Неограниченное господство причинности в мире Оно, имеющее основополагающую важность для научного упорядочения природы, не подавляет человека, который не ограничен миром Оно, и может снова и снова выходить из него в мир отношения. Здесь Я и Ты свободно стоят друг перед другом, оказывая друг на друга влияние, не включенное в причинность и не окрашенное ею; здесь человеку гарантируется свобода – его и его человеческой сущности. Лишь тот, кто понимает отношение и знает о присутствии Ты, способен на принятие решений. Тот, кто решается, свободен, потому что, принимая решение, он встает перед высочайшим Ликом.

Неукротимо вскипающая огненная материя всего моего умения желать, все, первоначально кружащее вокруг меня возможное, сплетенное и как бы неразделимое, манящие взгляды возможностей, мерцающие со всех концов, вселенная как искушение, и я, воплотившийся в настоящее мгновение, простираю обе руки в огонь, глубоко в огонь, где прячется то единственное, что имеет в виду меня, и вот все это схвачено в одном – теперь! Грозная бездна отдалилась, не мельтешит больше лишнее ядро Многое в переливающимся равенстве своих притязаний, но лишь двое друг возле друга, другое и одно, иллюзия и миссия. Но лишь теперь во мне возникает воплощение. Ибо не то называют принятием решения, когда одно сделано, а другое отставлено в сторону, как потухшая масса, слой за слоем, словно шлак, покрывающая мою душу. Но только тот, кто направляет всю силу другого в деяние одного, только тот, кто в становление действительности избранного умеет дать войти неугасимой страсти неизбранного, лишь тот, кто «злыми деяниями служит Богу», только тот решается и решает происходящее. Если это понять, то станет также ясно, что именно это надо называть справедливым, направленным на тот путь, по которому идут и на котором решают; и если бы существовал дьявол, то он был бы не тем, кто идет против Бога, а тем, кто не принял решения в вечности.

Человека, у которого есть гарантия свободы, не угнетает причинность. Он знает, что его преходящая, обреченная на смерть жизнь, по самому своему существу, есть вибрация между Ты и Оно, и он выслеживает ее смысл. Для него достаточно того, что, не имея возможности задерживаться в святилище, он может снова, и снова, и снова переступить через его порог; но да, то, что он должен раз за разом покидать святилище, внутренне связано для него со смыслом и с назначением этой жизни. Там, на пороге, в нем каждый раз заново вспыхивает дух, вспыхивает как ответ; здесь, в нечистом и бедном крае, эта искра должна быть оправданна. То, что здесь зовется необходимостью, не может его напугать, ибо там он познал нечто истинное, познал судьбу.

Судьба и свобода неразрывно связаны друг с другом нерушимой клятвой. С судьбой встречается только тот, кто воплотил свободу в действие. В том, что я смог открыть приличествующее мне деяние, в движении моей свободы открывает мне свобода свою тайну; однако если я и не смогу сделать это так, как мне приличествовало, то даже и в этом сопротивлении открывается мне тайна. Кто забывает всякую причинность и решается на действие из глубины, кто избавляется от своего добра и одежды и голым предстает перед

Ликом, на того, свободного, как зеркальное отражение свободы, смотрит его судьба. Это не его граница – это его дополнение; свобода и судьба охватывают друг друга, сливаясь в смысле; и из этого смысла судьба, чьи глаза только что были строги и чей взгляд теперь исполнен света, смотрит внутрь как сама милость.

Нет, человека, несущего искру и возвращающегося в мир Оно, не подавляет причинная необходимость. И от мужей духа во времена здоровой жизни исходит уверенность ко всему народу; даже самым забытым естественно, инстинктивно, смутно дается встреча, дается познание настоящего, и все каким-либо образом ощущают Ты; отныне дух означает для них надежную крепость.

Но в нездоровые времена случается, что мир Оно, не проникнутый и не оплодотворенный живыми потоками мира Ты, обособленный и застойный, как призрак исполинского болота, пересиливает человека. Смирившись с миром предметов, которые больше не становятся для него настоящим, человек полностью ему поддается. Обычная причинность в этом случае вырастает в подавляющий и удушающий злой рок.

Каждая великая, охватывающая народы культура покоится на каком-либо изначальном событии встречи, на прозвучавшем некогда в их исходном пункте ответе, обращенном к Ты, на сущностном акте духа. Этот акт, усиленный действующей в том же направлении силой последующих поколений, творит собственное понимание космоса в духе – только через него становится снова и снова возможным космос человека; только после этого может человек снова и снова, утешившись душой в этом понимании пространства, строить в нем дома для Бога и людей, наполнять зыбкое время новыми гимнами и песнями и формировать образ человеческой общности. Но только до тех пор, пока он, действуя и страдая, владеет в своей жизни этим сущностным актом, пока он сам входит в отношение, только до тех пор он свободен, а значит, сохраняет способность быть творцом. Если культура перестает концентрироваться вокруг живого, непрерывно обновляющегося процесса отношения, то она застывает, образует мир Оно, который только временами, словно вулканическими извержениями, прорывается пламенными деяниями одиноких духов. С этого момента обычная причинность, которая никогда прежде не препятствовала духовному постижению космоса, вырастает в подавляющий и удушливый злой рок. Мудрая властвующая судьба, которая соответственно смысловой полноте космоса господствовала над всякой причинностью, превращается в противного всякому смыслу демона и рушится в причинность. Та самая карма, которая представлялась предкам как благотворное устройство судьбы, – ибо то, что удастся нам в этой жизни, в будущем поднимает нас в более высокие сферы – ныне распознается как тирания: ибо деяния прежней, не осознаваемой нами жизни заточили нас в темницу, из которой мы не сможем выйти в этой жизни. Там, где прежде высился, как свод, смысл в образе небесного закона, на светлой арке которого висит веретено необходимости, теперь господствует бессмысленная и поработочающая сила планет; прежде считалось, что можно вверить себя богине правды Дике, небесному «пути», под которым имеется в виду и наш путь, чтобы с легким сердцем обитать во всеобщей мере судьбы; теперь же, что бы мы ни делали, нас угнетает, нагибая наши шеи под бременем мертвой массы мира, чуждая свободе духа Геймармене. Неистовая потребность в освобождении проявляется во множестве попыток, до крайности неудовлетворительных, которые предпринимаются до тех пор, пока кому-то не удастся вырваться из круговорота

рождений, или до тех пор, пока кому-то не удастся вернуть свободу божьим детям, подпавшим под власть силы душам. Такая работа происходит из нового, становящегося судьбой события встречи, нового, определяющего судьбу ответа человека на обращение своего Ты. В воплощении этого центрального сущностного акта некая культура, получив его луч, может отделиться от других культур, но иная может обновиться и в самой себе.

Болезнь нашей эпохи не похожа ни на одну болезнь других эпох, но она связана со всеми ими. История культур – это не ристалище эонов, где бегуны, бодро и ни о чем не подозревая, отмеряют, один за другим, один и тот же круг смерти. Через их восходы и закаты ведет безымянный путь. Это не путь прогресса и развития; нисхождение по спиральям подземного царства духа, которое следовало бы назвать также восхождением к самым сокровенным, тончайшим, сложно переплетенным вихрям, где нет никакого «дальше» и уже на самом деле нет и никакого «назад», есть только неслыханное возвращение – прорыв. Придется ли нам пройти этот путь до конца, до испытания последней тьмой? Однако там, где грозит опасность, растут и шансы на спасение.

Биологическое мышление и историософское мышление нашего времени, какими бы несхожими они ни казались, действовали совместно, чтобы утвердить веру в рок, злую судьбу, веру, более жесткую и подавляющую, чем когда-либо в прошлом. Это уже не власть кармы и не власть звезд: не они теперь управляют неотвратимым жребием человека; разнообразные силы претендуют на господство, но при верном наблюдении выясняется, что большинство наших современников верят в их смесь, как в позднем Риме люди верили в целый пантеон. Это тем легче понять, если рассмотреть характер этих претензий на господство. Будь это «закон жизни», трактующий всеобщую борьбу, в ходе которой каждый должен либо сражаться, либо отказаться от жизни; или будь это «закон души», закон непрерывного построения психической личности на фундаменте врожденного инстинкта потребления; или будь то «общественный закон» неостановимого социального процесса, для которого воля и сознание суть лишь сопровождающие его явления; или будь это «культурный закон» неизменного становления и исчезновения исторических образований; какими бы еще ни были формы, это всегда означает, что человек впряжен в процесс, от которого он, человек, не может освободиться и защититься от которого он не может (или может только в своих мечтаниях). От гнета звезд освобождало посвящение в мистерии, от гнета кармы освобождала сопровождаемая познанием брахманская жертва – в обоих случаях мы имеем дело с прототипом избавления; сложный же идол не терпит веры в освобождение. Воображение какой-либо свободы считают глупостью; человеку лишь предоставляется выбор между добровольно-разумным и безнадежно-мятежным рабством. Как бы много ни говорилось во всех этих законах о телеологическом развитии и об органическом становлении, в их основе лежит одержимость заранее заданным ходом событий, то есть неограниченной причинностью. Догма о постепенном развертывании заданного процесса есть отречение человека перед лицом могущества мира Оно. Именем судьбы злоупотребляют: судьба не колокол, покрывающий человеческий мир; встретить ее можно только исходя из свободы. Догма о заданности течения происходящего не оставляет места свободе, не оставляет места ее реальнейшему откровению, хладнокровная сила догмы изменяет лик Земли, то есть не оставляет места возвращению. Догма не знает человека, который своим возвращением побеждает во всеобщей борьбе; который возвращением разрывает паутину инстинктов потребления; который возвращением

избавляется от классового проклятия; который своим возвращением потрясает, обновляет и преобразует надежные исторические структуры. Догма о заданности течения процесса оставляет тебе на этой доске только один выбор – соблюдать правила или выйти из игры, но тот, кто возвращается, опрокидывает фигуры. Догма всегда позволит тебе соглашаться с обусловленностью жизни, но в душе «оставаться свободным»; но вернувшийся презирает такую свободу, считая ее позорнейшим рабством.

Единственным, что может стать для человека роком, является вера в рок; эта вера подавляет движение возвращения.

Изначально вера в рок является верой ложной. Всякое представление о заданности течения происходящего является лишь упорядочением Ничто как якобы становления бытия, упорядочением изолированных мировых событий, упорядочением предметности истории; оно не есть настоящее Ты; никакое становление из связности этому представлению недоступно. Оно не знает действительности духа, и для него схема этого представления не имеет силы. Пророчество, основанное на предметности, имеет силу только для того, кто не знает настоящего. Тот, кто подчинен силе мира Оно, должен видеть в догме неотвратимости течения событий истину, расчищающую просеку в буйно разросшемся лесу; на самом же деле это еще глубже погружает его в подчинение миру Оно. Но мир Ты не является замкнутым. Тот, кто всем своим единым существом, с восставшей силой отношения, выйдет навстречу миру Ты, станет внутренне свободным. Стать свободным от веры в несвободу уже означает стать свободным.

Подобно тому как получить власть над злым духом можно назвав духа его настоящим именем, так должен и мир Оно, который только что зловеще простирался всей своей чудовищной мощью перед малой человеческой силой, покориться тому, кто познает его в его сущности – как обособление и отчуждение именно того, из приливающей ближе полноты которого выступает навстречу каждому всякое земное Ты; того, что представляется великой и страшной богиней-матерью, существом тем не менее по-матерински добрым.

– Но как может набраться сил и окликнуть злого духа по имени тот, у кого внутри угнездился призрак – лишенное действительности Я? Как может похороненная сила отношения возродиться в существе, где могущественный призрак ежечасно попирает ногами обломки этой силы? Как собраться воедино существу, которое непрерывно гонит по пустому кругу ненасытное в своей алчности отчужденное Я? Как может обрести свободу человек, живущий по произволу?

– Как соединены неразрывно свобода и судьба, так связаны между собой произвол и рок. Однако свобода и судьба возвышают друг друга и охватывают друг друга, порождая смысл; произвол и рок, захвативший душу призрак и душачий мир кошмар, терпят друг друга, обитают рядом друг с другом, избегая друг друга, без связи и трений, обитая в бессмысленности – до тех пор, пока случайно не встретятся взглядами и не вырвется из их уст признание в отсутствии избавления. Сколько красноречивой и искусной духовности используют сегодня, чтобы уберечься от такого события или хотя бы его скрыть!

Воля свободного человека обходится без произвола. Этот человек верит в действительность; это значит, что он верит в реальную двойственность Я и Ты. Он верит в предназначение и в то, что оно нуждается в нем; оно не водит такого человека на поводке – оно ожидает его, он должен прийти к предназначению, не зная, однако, где оно находится; он должен выйти навстречу предназначению всем своим существом, и он знает это. Все произойдет не так, как подразумевалось его решением, но то, что произойдет, произойдет только тогда, когда он решится на то, что способен хотеть. Свою несвободную, подвластную вещам и влечениям малую волю он должен пожертвовать своей великой воле, которая уходит от predeterminedности к predeterminedению. Тогда он больше не вмешивается, но и не отпускает то, что происходит, на самотек. Он прислушивается к тому, что возникает из него самого, на пути сущего в мире; не для того, чтобы оно его несло, но для того, чтобы самому воплотить его в действительность так, как оно хочет, чтобы он – в ком оно нуждается – его воплотил, человеческим духом и человеческим деянием, жизнью и смертью человека. Я говорю – он верит, но тем самым сказано: он встречается.

Своевольный человек не верит и не встречается. Он не знает связности – знает он только охваченный лихорадочной суетой внешний, окружающий его мир и свою лихорадочную похоть к его использованию; надо только дать использованию античное имя, и оно будет скитаться между богами. Когда он говорит «Ты», он имеет в виду следующее: «Ты – моя возможность для использования», а то, что он называет своим предназначением, есть лишь оснащение для использования и санкция на него. На самом деле у него нет predeterminedения, но есть лишь predeterminedенность вещами и влечениями, которую он исполняет самовластно, то есть по произволу. У него нет сильной воли – у него есть только произвол, который он выдает за волю. Он абсолютно не способен на жертву, хотя и говорит постоянно о ней; ты узнаешь его по тому, что он никогда не бывает конкретным. Он постоянно во все вмешивается, а именно с той целью, чтобы «дать этому произойти». Как можно, говорит он тебе, не помочь предназначению, не использовать все доступные средств, нужные для достижения цели? Так же видит он и свободного человека, и не может видеть его по-другому. Но свободный никогда не имеет цель здесь и где угодно подыскивает для нее средства; у него на уме только одно: снова и снова приносить свои решения на алтарь predeterminedения. Он принял такое решение, и он будет иногда обновлять его на всех развилках пути; но он скорее поверит в то, что не живет, нежели в то, что решения великой воли недостаточно и его надо подкрепить средствами. Он верит; он встречается. Но лишенный веры мозг своевольного человека не воспринимает ничего иного, кроме неверия и произвола, определения целей и измышления средств. Без жертвы и без милости, без встречи и без настоящего, его мир обусловлен целями и средствами; другим этот мир быть не может; это и называется роком. Так при всем своем самовластии он безвыходно запутан в недействительное; и он осознает это каждый раз, когда приходит в себя и осмысливает ситуацию – поэтому лучшую часть своей духовности он направляет на то, чтобы защититься от этого осмысления или хотя бы скрыть его.

Но, если дать осмыслению, осознанию отпадения, разрыва с действительным и с действительным Я, погрузиться до корней, в глубину, которую человек зовет отчаянием, из которого вырастают самоуничтожение и возрождение, это будет, возможно, началом возвращения.

Брахман ста путей рассказывает, что некогда был спор богов с демонами. Демоны сказали: «Кому можем мы принести нашу жертву?» Все приношения они положили себе в рот. Боги, однако, положили все приношения в рот друг друга. И тогда Праджапати, изначальный дух, предался богам.

– То, что мир Оно, предоставленный сам себе, то есть не затронутый и не расплавленный появлением Ты, искажается, превращаясь в злого духа-душителя, надо просто понять; но как это происходит, когда Я человека, как ты говоришь, теряет свою действительность? Пребывает ли оно внутри отношения или вне его, Я с гарантией остается в своем самосознании, этой прочной золотой нити, на которую нанизываются меняющиеся состояния. Скажу ли я сейчас «Я вижу тебя» или «Я вижу дерево», мое видение в обоих случаях не будет одинаково действительным, но равно действительным в обоих случаях остается Я.

– Проверим, проверим же, на самом ли деле это так. Словесная, речевая форма ничего не доказывает; много раз сказанное Ты в основе своей является Оно, которому по привычке или по тупости говорят Ты, а много раз сказанное Оно в основе своей является Ты, присутствие которого, словно с дальней дистанции, вспоминают всем своим существом; таким образом, неисчисляемое Я является лишь необходимым местоимением, необходимым сокращением высказывания «находящийся здесь, говорящий». Но что можно сказать о самосознании? Если в одном предложении на самом деле имеют в виду Ты отношения, а в другом предложении – Оно опыта и если в обоих случаях на самом деле имеется в виду Я, то одинаковы ли в каждом случае Я, высказываемые из его самосознания?

Я основного слова Я – Ты – это не то же самое, что Я основного слова Я – Оно.

Я основного слова Я – Оно проявляется как собственная сущность и осознается как субъект (приобретения опыта и использования).

Я основного слова Я – Ты проявляется как личность и осознает себя как субъективность (без определяющего родительного падежа).

Собственная (обособленная для себя) сущность проявляется в отделении от других собственных сущностей.

Личность проявляется тем, что вступает в отношение с другими личностями.

Первое является духовным образом природного обособления, второе – духовным образом природной связности.

Целями обособления являются приобретение опыта и его использование; их же целью является «жизнь», то есть длящееся в течение человеческой жизни умирание.

Целью отношения является его сущность, то есть прикосновение Ты. Ибо через прикосновение каждого Ты нас касается дыхание вечной жизни.

Тот, кто состоит в отношении, причастен к действительности, то есть к бытию, которое присутствует не только в нем и не только вне его. Всякая действительность есть действие, в котором я участвую, но которое не могу присвоить. Там, где нет участия, нет и действительности. Участие тем полнее, чем более непосредственным является прикосновение Ты.

Я становится более действенным благодаря своему участию в действительности. Оно становится тем более действенным, чем полнее это участие.

Но Я, выходящее из события отношения в обособленность и его самосознание, не теряет своей действительности. Участие остается пребывать в нем и сохраняет свою живость; другими словами – хотя они были сказаны о высочайшем отношении, их можно приложить и ко всем отношениям, – «в нем остается семя». Это область субъективности, в которой Я осознает как свою связность, так и свою обособленность. Истинную субъективность можно понять только как динамический феномен, как вибрирующие перемещения Я в его одинокой истине. Это то место, где настойчиво формируется стремление к более высокому, более безусловному отношению, к полному участию в бытии. В субъективности созревает духовная субстанция личности.

Личность сознает себя участницей бытия, участницей совместного бытия и, таким образом, сознает себя сущей. Собственная, «сама для себя» сущность сознает себя как «существующее так, а не иначе». Личность говорит: «Я есть», собственная сущность говорит: «Я такова». «Познай самого себя» означает для личности: познай себя как сущее; для собственной сущности эта фраза означает: познай свое бытие как таковое. Собственная для себя сущность, отделяя себя от других, отдаляется от бытия.

Под этим не подразумевается, что личность «отказывается» от своей особости, от своей инаковости; центр внимания не только в ней, но и в ней, как необходимое и осмысленное постижение бытия. Наоборот, собственная для себя сущность просто упивается своей особостью; скорее даже фикцией своей особости, которую она сама себе придумала. Ибо познать себя означает преимущественно создать обладающее значимой силой и способное ввести в заблуждение проявление самости и в лицезрении и почитании приобрести ложную видимость познания своего наличного бытия; действительное познание этого наличного бытия привело бы к самоуничтожению – или же к возрождению.

Личность рассматривает свою самость; собственная в себе сущность занимается своим Мое: мой род, моя раса, мое творчество, мой гений.

Собственная в себе сущность не принимает участия в действительности и не приобретает ее. Она отделяется от другого и стремится как можно больше взять у него через приобретение опыта и использование. Это ее динамика: самоотречение и овладение Оно, причем и то и другое происходит в недействительном. Субъект, познавая себя как собственную в себе сущность, многое себе присваивает, но из этого не вырастает субстанция, субъект остается точечным, функциональным, приобретающим опыт, использующим, и ничем более. Все его расширяющееся и многообразное наличное бытие, вся его добросовестная «индивидуальность» не поможет ему стать субстанцией.

Не существует двух типов человека, но существует два полюса человечности.

Ни один человек не является личностью в чистом виде, ни один человек не является в чистом виде особой для себя сущностью, ни один человек не является ни полностью действительным, ни полностью недействительным. Каждый живет в двойственном Я. Но существуют люди, которые настолько сильно определены своей личностью, что их можно назвать личностью, и существуют люди, которые так сильно определены особой для себя сущностью, что их можно назвать особой для себя сущностью. Подлинная история разворачивается между первыми и вторыми.

Чем сильнее над человеком, чем сильнее над человечеством господствует особая для себя сущность, тем глубже погружается Я в недействительность. В такие времена личность в человеке и человечестве ведет подпольное, скрытое, как бы фиктивное существование – до тех пор, пока не будет призвана.

Человек в тем большей степени является личностью, чем сильнее в человеческой двойственности его Я проявляется Я основного слова Я – Ты.

Соответственно произнесению Я – согласно тому, что человек имеет в виду, произнося Я, – решается, к какому полюсу человечности принадлежит тот или иной человек и куда он идет. Слово «Я» – это истинный шибболет[2] человечества.

Надо только прислушаться!

Как фальшиво звучит Я в обособленном человеке! Оно может подвигнуть к сильному состраданию, когда исходит из трагических, запечатанных умолчанием противоречия с самим собой уст. Оно порождает ужас, когда вырывается из обуянных хаосом, дико, беспечно и бездумно произносящих его уст. Когда оно произносится устами тщеславными и лощеными, оно вызывает неловкость и отвращение.

Когда обособленное Я произносят с большой буквы, оно открывает позор мирового духа, униженного до положения духовности.

Но как прекрасно и правомерно звучит столь живое, столь убедительное Я Сократа! Это Я нескончаемого разговора, и атмосфера его омывает это Я на всех его путях: и перед судьями, и в заточении, и в последний час. Это Я жило в отношении к человеку, и отношение это воплощалось в диалоге. Оно верило в действительность людей и выходило к ним. Это Я пребывало с ними в действительности и не покидает их. Его одиночество никогда не могло быть покинутостью, и, когда мир людей умолкает для него, слышит он, как пандемониум произносит Ты.

Как прекрасно и правомерно звучит полное величия Я у Гёте! Это Я чистого общения с природой; она предается ему и бесконечно говорит с ним, она в откровении раскрывает ему свои секреты, но не выдает своей Тайны. Он верует в нее и говорит розе: «Так это ты», – и его Я стоит с ней в Одной Действительности. Поэтому, когда Я возвращается к себе, дух действительного остается с ним, вид солнца запечатлевается в счастливых глазах, и сонм дружественных стихий провожает человека в безмолвие смерти и становления.

Так звучит сквозь века «самодостаточное, истинное и чистое» изъяснение Я связанных единением личностей – сократовской и гетевской.

И, не откладывая, вынесем сюда образ безусловного отношения: как мощно, вплоть до возобладания, Я, изреченное Иисусом, и как оно правомерно – до само собой разумеющегося! Ибо это Я безусловного отношения, в котором человек называет свое Ты Отцом, так что сам он только сын и никто другой, как сын. Когда бы он ни сказал Я, он может иметь в виду только Я священного основного слова, которое для него возвышается до безусловного. Если его коснется обособленность, то связь окажется сильнее; только из этой связи говорит он с другими. Напрасно хотите вы ограничить это Я могуществом в себе или ограничить это Ты пребывающим в нас и снова лишит действительности действительное настоящего отношения: Я и Ты остаются; каждый может сказать «Ты», и тогда есть Я; каждый может сказать «Отец», и тогда есть сын; всякий раз действительность остается.

– Но как быть, если миссия, возложенная на человека, требует, чтобы он знал связанность только со своим делом и не знал действительного отношения к Ты, не знал настоящего присутствия Ты; чтобы все вокруг него стало Оно, Оно, обязанное служить его делу? Как обстоят дела с изъяснением Я Наполеона? Правомерно ли оно? Является ли личностью этот феномен опыта и использования?

– Очевидно, этот великий полководец своей эпохи не знал измерения Ты. Как было верно замечено, для него всякое человеческое существо имело свою цену. Он, который в мягком значении уподоблял апостолу Петру своих сторонников, отрекшихся от него после свержения, сам не имел никого, от кого мог бы отречься, ибо не было никого, кого он признавал бы человеческим существом. Он был демоническим Ты для миллионов, не отвечающим Ты, Ты, которое на обращение Ты отвечало Оно, отвечало фиктивно в личном, только в своей сфере, в своем деле, отвечало только своим делом. Это стихийно-историческое ограничение, где основное слово теряет свою реальность, свой характер взаимодействия, – демоническое Ты, по отношению к которому никто не может стать Ты. Этот третий существует помимо личности и собственного существа в себе, помимо свободного и произвольного человека, не между ними; этот третий существует, судьбоносно возвышаясь в судьбоносные времена: он раскаляет все, а сам охвачен холодным огнем; на него направлены тысячи отношений, но от него не исходит ни одно; он не участвует в действительности, но в нем, как в действительности, принимают участие огромные массы.

На окружающие его существа он смотрит как на машины, способные производить различные операции; эти способности он учитывает и применяет. Однако так он относится и к себе (но свою производительную силу ему приходится раз за разом заново испытывать в эксперименте, но тем не менее он не может на опыте познать ее границы). Он и с собой обходится как с Оно.

Поэтому его изъяснение Я лишено живой убедительности и полноты, но оно (в отличие от Я современного человека для себя) не притворяется, что оно этим обладает. Он говорит не о себе, он говорит только «от себя». Я, которое он произносит и пишет, есть необходимый утверждающий субъект его постановлений и распоряжений – не больше и не меньше; у него

нет субъективности, но нет у него и связанного с наличным бытием самосознания, как нет у него и заблуждений относительно себя как явления. «Я – часы, которые существуют, но не знают себя», – так он сам выразил свою судьбоносность, действительность этого феномена и недействительность этого Я; он сказал это, когда был оттеснен от своего дела, когда он мог и должен был говорить и думать о себе, только теперь он мог и должен был вспомнить о своем Я, которое проявилось только теперь. Проявленное Я есть не просто субъект, но и к субъективности оно не принадлежит; расколдованное, но не освобожденное, выражает оно себя в страшном, таком правомерном и одновременно неправомерном слове: «Вселенная смотрит на Нас!» В конце концов оно снова погружается в глубину, исчезая в тайне.

Кто после такого шага, такой гибели отважится утверждать, что этот человек понимал свое исполинское и страшное послание или что он понимал его неверно? Определенно, что эпоха, повелителем и образцом которой стало демоническое и лишенное настоящего, его самого поняла неверно. Эта эпоха не знает, что здесь правят судьба и исполнение, а не вождение и наслаждение власти. Эпоха восхищается его величественным челом и не догадывается, какие знаки начертаны на нем, словно числа на циферблате часов. Она тщится подражать его взгляду на человеческие существа, не понимая его потребностей и его необходимости, и подменяет строгое внимание этого Я к конкретным делам волнующим осознанием себя. Слово «Я» остается шибболетом человечества. Наполеон не вкладывал в него силу отношения, он произносил его как Я исполнения. Тот, кто пытается повторять это вслед за ним, лишь выдает безнадежное отчаяние своего противоречия с самим собой.

– Что такое противоречие с самим собой?

– Если человек не подтверждает априорность своей жизни в мире, если он не выявляет и не осуществляет врожденное Ты во встреченном, то оно обращается внутрь. Оно разворачивается в неестественном, невозможном объекте, в Я, то есть оно разворачивается там, где для его развертывания нет места. Противостояние с тем, что над ним, происходит внутри него самого, однако это не может быть отношением, но лишь противоречием с самим собой. Человек может пытаться объяснить это как отношение, возможно как религиозное отношение, чтобы избавиться от ужаса лицемерия своего двойника, но он снова и снова принужден открывать обман такого объяснения. Здесь подходит край жизни, здесь неисполненная жизнь прячется в бредовой видимости исполнения; она ищет выход из лабиринта ощупью, но лишь еще больше теряется.

Временами человек, содрогаясь от отчуждения между Я и миром, приходит к пониманию того, что надо что-то предпринять. Также иногда случаются тяжелые, дурные ночи, когда ты лежишь без сна, истерзанный ночным кошмаром; бастионы рухнули, и бездны взывают, и посреди всех этих мук ты замечаешь: жизнь еще существует, и я только должен пройти через это – но как, как? Так происходит с человеком, который, очнувшись от беспомощности, содрогаясь от ужаса, старается обдумать свое положение и не понимает, в каком направлении ему двигаться. Возможно, он все же знает направление, знает где-то внизу, неприятным знанием глубины, он знает направление возвращения, которое ведет его через жертву. Но человек отбрасывает это знание; «мистическое» не выдерживает света электрического солнца. Он призывает мысль, которой он – вполне справедливо – доверяет; она снова поправит все его дела. Это высокое искусство мысли – нарисовать надежную и

весьма вероятную картину мира. Вот человек и говорит своей мысли: «Взгляни-ка вот на эту, развалившуюся здесь со злыми глазами, – не та ли это, с которой я когда-то играл? Ты знаешь, как она тогда смеялась мне именно этими глазами, но тогда они были добрыми? Теперь посмотри на мое несчастное Я – я хочу признаться тебе, что оно пусто; и что бы я ни делал внутри себя исходя из опыта и использования, оно не попадает в свое дупло. Ты не хочешь снова исправить дела между мною и ею, чтобы она оставила меня в покое, а я выздоровел?» И услужливая и искусная мысль со своей прославленной быстротой рисует один – нет, два ряда картин на правой и левой стене. На одной находится (скорее, происходит, ибо нарисованная мыслью картина мира – это достоверная кинематография) Вселенная. Из вихря планет выныривает маленькая Земля, из кишасей земной массы выныривает маленький человек, и теперь история несет его дальше сквозь времена, чтобы он снова и снова упорно восстанавливал муравейники культур, попорченные и раздавленные историей. Под этим рядом написано: «Одно и все». На другой стене разворачиваются события души. Пряжа прядет; круги планет, и жизнь всех творений, и вся мировая история – все это пряжа одной нити, и зовется уже не планетами и творениями мира, а ощущениями и представлениями, или даже, скорее, переживаниями и состояниями души. И под этим рядом написано: «Одно и все».

Отныне, если когда-нибудь человек содрогнется от ужаса отчуждения и устрасит его мир, он посмотрит (вправо или влево, как получится) и увидит картину. Тогда он увидит, что Я находится в мире и что, собственно, никакого Я нет, то есть мир не может причинить Я никакого зла, и человек успокаивается. А в другой раз, если когда-нибудь человек содрогнется от ужаса отчуждения и устрасит его мир, он посмотрит и увидит картину; и все равно, какую он увидит, – поймет он, что Я заполнено миром или мировой поток захлестывает его; и человек успокоится.

Но грядет миг, и он близок, когда посмотрит содрогнувшийся человек и в одно мгновение увидит обе картины разом. И глубокий страшный трепет охватит его.

Версия #2

Зверобой создал 2 декабря 2025 21:29:00

Зверобой обновил 26 декабря 2025 22:41:39